

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Философский факультет

Общество историков русской философии
им. В.В. Зеньковского

Центр феноменологической философии

PONTIFICIO ISTITUTO ORIENTALE

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ВЯЧ. ИВАНОВА В РИМЕ

СЕМИНАР «РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ»

MEANING – SENSE– SYMBOL – III

Theology, Philosophy and Aesthetics
at the Turn of the Century

Proceedings
of the International Scientific Conference

26–28 November 2018
Rome, Italy

Moscow
2018

ЗНАЧЕНИЕ – СМЫСЛ – СИМВОЛ – III

Теология, философия и эстетика
на рубеже веков

*Материалы
международной научной конференции*

26–28 ноября 2018 г.
Рим, Италия

Москва
2018

УДК 130.2(061.3)
ББК 87я43 + 71.0я43
З-76

Под редакцией Анны Резниченко

Оргкомитет:

- А.И. Резниченко, *д-р филос. наук, проф., РГГУ, Москва*
(председатель оргкомитета)
- о. Стефано Каприо, *д-р теологии, проф.,*
Pontificio Istituto Orientale, Рим, Италия
- С.А. Коначева, *д-р филос. наук, проф., РГГУ, Москва*
- А.Б. Шишкин, *д-р филол. наук, проф., Исследовательский*
центр Вяч. Иванова в Риме / Университет Салерно,
Рим / Салерно, Италия
- В.П. Троицкий, *ст. науч. сотр., Библиотека истории*
русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»,
Москва
- Д.М. Дорохина, *РГГУ, Москва* (секретарь оргкомитета)

Художник *Михаил Гуров*

На обложке отрисованный фрагмент картины
Микалоюса Чюрлениса «Рай»

ISBN 978-5-7281-2206-7

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2018

Вместо предисловия

Общее направление конференции – междисциплинарный синтез трех формально не связанных друг с другом дисциплин, имеющих на самом деле глубокую внутреннюю связь: теология говорит о Боге, философия говорит о смыслах, а эстетика – о конкретном воплощении их в символах и знаках. Одним из ключевых символов всей иудеохристианской европейской культуры является символ Эдема: топос Бога и Первочеловека, родина смыслов, онтологический корень всех символов. Европейская культура – это тоска по раю и подлинному бытию человека; его отрицание – или его обретение.

Местом проведения третьей по счету конференции «ЗНАЧЕНИЕ – СМЫСЛ – СИМВОЛ» выбран Рим – Вечный город, колыбель и оплот христианства, город проповеди ап. Павла и собора св. Петра. В XX веке Вечный город стал домом для выдающегося поэта и мыслителя Серебряного века, Вячеслава Иванова. Отправными пунктами размышления, как и прежде, является осмысление феноменологических и экзистенциальных принципов современной философии человека, его внутреннего опыта и символики его внешнего воплощения.

Темы конференции

1) ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ: онтотеология, феноменология религии, история мистического богословия христианской церкви, библеистика;

2) ФИЛОСОФСКАЯ: история феноменологической философии, история русской философии, современные феноменологические исследования;

3) ЭСТЕТИЧЕСКАЯ: смыслы и сюжеты Серебряного века русской культуры, философия русского символизма, «Значение – Смысл – Символ» в творчестве Вяч. И. Иванова, мистические концепции европейской и русской мысли.

Программа конференции

25 ноября, воскресенье

Пре-конференция

- 11.00–15.00 Посещение кладбища Кампо Цестио
и могилы Вяч.И. Иванова
Рим, станция метро “Piramida”
- Экскурсия по Центру
Вячеслава Иванова в Риме

26 ноября, понедельник

- 10.00–14.00 Пешая экскурсия по Риму
Рим. Пьяцца дель Пополо
- 14.00–15.00 Обед
- 15.00 Встреча в Pontificio Istituto Orientale
Roma, piazza Santa Maria Maggiore, 7
Aula II

Приветственные слова
от оргкомитета конференции

15.15–18.00 Заседание первое

Значение – Смысл – Символ

Модератор: Андрей Шишкин, Рим / Салерно,
РАИ / Университет Салерно

Pontificio Istituto Orientale, Roma,
piazza Santa Maria Maggiore, 7. Aula II

Роман Мних, *Седльце, Университет Седльце*
Русская теория символа XX века: между неоканти-
анством и неогегельянством

Олег Марченко, *Москва, РГГУ*
«Мы две руки единого креста...»: К теме устойчи-
вости символа в европейской культуре

Анна Резниченко, *Москва, РГГУ*
От магии звука к магии слова. Павел Флоренский
между символизмом и авангардом

Светлана Федотова, *Москва, ИМЛИ РАН*
Загадка символизма Вяч. Иванова в интерпретации
Л. Гоготишвили

Тинатин до Егито, *Москва, ПСТГУ*
Влияние религиозно-философских воззрений Вяче-
слава Иванова на творчество Сергея Эйзенштейна

18.00–18.30 Дискуссия

18.30–19.30 Презентация научных изданий

Модератор: Данута Шимоник
Седльце, Университет Седльце

*Pontificio Istituto Orientale, Roma,
piazza Santa Maria Maggiore, 7. Aula II*

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА:

Хроника русских литературных, религиозно-философских
и общественно-политических движений
в частных письмах и дневниках их участников
1829–1923 гг.: Антология. Книга 1: 1829–1900 /
Сост. В.И. Кейдан. 2-е изд., испр. и дополн.
Москва: Модест Колеров, 2018
(Исследования по истории русской мысли. Т. 21. Кн. 1)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭКФРАСИСА:

Итоги и перспективы изучения / Колл. монография;
Под науч. ред. Татьяны Автухович, Романа Мниха
и Татьяны Бовсуновской
Седльце: Изд-во Ин-та региональной культуры
им. Францишка Карпиньского, 2018

МИРГОРОД:

Международный филологический журнал,
посвященный истории современного литературоведения,
его эпистемологии и интердисциплинарности /
Гл. ред. Анастасия де Ла Фортель (Лозанна, Швейцария),
Роман Мних (Седльце, Польша)

С.Л. ФРАНК. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Под общ. ред. Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых.
М., 2018. Т. 1: 1896–1902

Предисл. к изд. Г.Е. Аляева, К.М. Антонова,
Т.Н. Резвых; Предисл. к тому Г.Е. Аляева, Т.Н. Резвых
М.: Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, 2018

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ В РОССИИ – ПЕТЕРБУРГЕ –
ПУШКИНСКОМ ДОМЕ.
Санкт-Петербург, 2014

ВЯЧ. ИВАНОВ. МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
Вып. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Русской
Христианской гуманитарной академии, 2016
ВЯЧ. ИВАНОВ. ЭЛЛИНСКАЯ РЕЛИГИЯ
СТРАДАЮЩЕГО БОГА
// Символ. 2014. № 64

ВЯЧ. ИВАНОВ. ДИОНИС И ПРАДИОНИСИЙСТВО
// Символ. 2015. № 65

ВЯЧ. ИВАНОВ. PRO ET CONTRA. Т. 1–2
Санкт-Петербург, 2016

ИСТОРИЧЕСКОЕ И НАДВРЕМЕННОЕ
У ВЯЧ. ИВАНОВА:
К 150-летию Вяч. Иванова
Десятая международная конференция. Материалы
Под ред. М. Плюхановой и А. Шишкина.
Салерно, 2017

МИКЕЛАНДЖЕЛО.
СЕМЬ СОНЕТОВ В ПЕРЕВОДЕ ВЯЧ. ИВАНОВА
с рисунками Г.А.В. Траугот. Москва, 2018

V. IVANOV. A REALIBUS AD REALIORA
Roma, 2018

В презентации участвуют

Андрей Шишкин, Рим / Салерно, РАИ / Университет
Салерно
Владимир Кейдан, Рим / Москва
Роман Мних, Седльце, Университет Седльце

19.30

Фуршет

27 ноября, вторник

PIO, ауд. II

10.00–11.30 Заседание второе
Значение – Смысл

Модератор: о. Стефано Каприо, Рим, PIO
Pontificio Istituto Orientale, Roma,
piazza Santa Maria Maggiore, 7. Aula II

Александр Марков, *Москва, РГГУ*
Русская ангелология как предмет интеллектуальной истории

свящ. Алексей Волчков, *Санкт-Петербург, СПбДА*
Иконы, идолы и священный текст. Как философия Ж.-Л. Мариона может помочь в интерпретации Библии?

прот. Владимир Зелинский, *Италия, Брешия*
Богословие общения

11.30–12.00 Дискуссия, кофе-брейк

12.00–13.30 Заседание третье
Значение – Смысл

Модератор: Анна Резниченко, Москва, РГГУ
Pontificio Istituto Orientale, Roma,
piazza Santa Maria Maggiore, 7. Aula II

Светлана Коначёва, *Москва, РГГУ*
Воображение и метафора в теологическом языке

Алексей Лызлов, *Москва, РГГУ*
Онтотеологическое понимание языка в работах
И.Г. Гамана

Татьяна Резвых, *Москва, ПСТГУ*
Функциональный персонализм Вильгельма Штерна

13.30–14.00 **Дискуссия**

14.00–15.00 **Обед**

15.00–16.30 **Заседание четвертое**
СИМВОЛ

Модератор: Роман Мних, *Седльце, Университет Седльце*
Pontificio Istituto Orientale, Roma,
piazza Santa Maria Maggiore, 7. Aula II

Владимир Кейдан, *Италия, Рим*
«Скверный анекдот», или Брак во имя революции:
сюжет из неопубликованной семейной переписки
Достоевских в контексте культуры Серебряного
века (интертекстуальный анализ)

Михаил Эдельштейн, *Москва, МГУ*
Ветхий Завет в рефлексии Николая Бердяева

Анна Голубкова, *Россия, Москва*
Василий Розанов о Дмитрие Мережковском
и не только: к истории двух разговоров

16.30–17.00 **Дискуссия, кофе-брейк**

17.00–18.30 Презентация книг

прот. Владимир Зелинский, *Италия, Брешия*

ВЗЫСКУЯ ЛИЦА ТВОЕГО

Тюмень: Русская неделя, 2013

СВЯЩЕННОЕ РЕМЕСЛО: Философские портреты.

Санкт-Петербург: Алетейя, 2017

НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ

Санкт-Петербург: Алетейя, 2018

MISTERO CUORE SPERANZA.

Invito alla spiritualità ortodossa Ancora editrice,
Milano, 2010

IL BAMBINO ALLE SOGLIE DEL REGNO

Teofania dell'infanzia. Effatà editrice,
Cantalupa (Torino), 2013

IL REGNO E IL TORMENTO DELLA FEDE.

Russia, ortodossia, riconciliazione Effatà editrice,
Cantalupa (Torino), 2014

Отрывки из книг о. Владимира Зелинского читает
Павел Зелинский, *Падуанский ун-т / Государственная
академия театрального искусства в Риме*

28 ноября, среда

*Pontificio Istituto Orientale, Roma,
piazza Santa Maria Maggiore, 7. Aula II*

10.00–11.30 Заседание пятое

СМЫСЛ

Модератор: Светлана Коначева, Москва, РГГУ

свящ. Давид Рожин, *Калининград, БФУ им. И. Канта*
Единство сил души и идея о Бесконечном в философии Ф.А. Голубинского

Александра Бердникова, *Москва, ИФ РАН*
Полемика В.С. Соловьева с харьковскими богословами Т. Стояновым (К.Е. Истоминым) и А.П. Шостыным по вопросу догматического развития в Церкви

Николай Павлюченков, *Москва, ПСТГУ*
Труды П.А. Флоренского как источник «мистического богословия» в России в XX веке

11.30–12.00 Дискуссия, кофе-брейк

12.00–13.30 Заседание шестое

СМЫСЛ

Модератор: Татьяна Резвых, Москва, ПСТГУ

Инна Голубович, Виктор Левченко, *Одесса, Одесский национальный университет*

Парижское богословие, Фотиево братство и Николай Полторацкий: смыслы – символы – шифры

Дарья Ченцова, *Москва, ПСТГУ*

Знакомство длиннее жизни: письма Н.С. Арсеньева
С.Л. и Т.С. Франк (Барцевой) (по материалам Бах-
метевского архива Колумбийского университета)

Дарья Дорохина, *Москва, РГГУ*

Проблемы репрезентации русской религиозной
философии

13.30–14.00 Дискуссия, кофе-брейк

Стендовый доклад

В.П. Троицкий, *Москва, Дом Лосева*

От «разно-текущих потоков» к обобщенной форме
времени

14.00–14.30 Обед

14.30–19.00 Экскурсия в г. Орвието (Умбрия)

Подведение итогов конференции

Регламент конференции

Доклад: 25–30 мин

Дискуссия: 25–30 мин

Роман Мних
*Польша, Седльце,
Университет Седльце*

Русская теория символа XX века:
между неокантианством и неогегельянством

The paper deals with the Russian theory of the symbol of the first half of the 20th century (Vyacheslav Ivanov, Aleksei Losev, Andrei Bely). Then the theory of the symbol in Russia was influenced by two philosophic schools: Neo-Kantianism and Neo-Hegelianism. The influence of Neo-Kantian ideas (Ernst Cassirer) provoked epistemological tendencies in the theory of symbol: symbol as a possibility for human to express his/her experience of consciousness and mastering the world. On the contrary, Hegel's influence determined ontological theory of symbol, which (symbol) presented an expression of the ineffable and possessed inexhaustible meaning by nature. The article by Vladimir Veidle "The Sign and the Symbol" was written under the influence of Hegel. In this paper the article is analysed in comparison with the theory of symbol produced by Vyacheslav Ivanov, who was influenced by Dante and Goethe and attempted to unite ontology and epistemology of symbol in his conception.

Keywords: symbol, epistemology, ontology, Vyacheslav Ivanov, Vladimir Veidle, Ernst Cassirer, Neo-Hegelianism.

1. История русской теории символа ещё не написана, но вне всякого сомнения кроме огромного вклада в её раз-

работку таких мыслителей, как Вячеслав Иванов, Алексей Лосев или Андрей Белый, мы можем назвать целый ряд забытых или полузабытых имён и текстов, которые по разным причинам не введены до сегодня в обиход, но которые содержат принципиальные вопросы, связанные с решением проблемы символа/ знака/ значения/ смысла.

2. Одним из таких текстов, представляющих во многом гегельянское видение проблемы, является статья Владимира Вейдле 1942 г. *Знак и символ. набросок вступления к общей теории знака* («Богословская мысль». Труды Православного богословского института в Париже. Париж, 1942. С. 25–40).

3. Принимая во внимание такую неогегельянскую интерпретацию проблемы символа, мы можем также указать и на огромное влияние неокантианской идеологии на русских теоретиков символа, а в особенности влияние философии символических форм Эрнста Кассирера (см.: Роман Мних: *Эрнст Кассирер в России* «Исследования по истории русской мысли». Ежегодник 2008–2009. Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М., 2012. С. 81–132).

4. Таким образом, в первой половине XX века в России теория и философия символа формируется между двумя полюсами – неокантианством и неогегельянством. Эти полюса отражают разные взгляды на природу и сущность символизма, модифицируя в разных вариантах основное противопоставление и противоречие между *онтологией* и *эпистемологией* символа и символизма. Отмечаемое противоречие воплотилось в двух основных концепциях символа: 1) символ как возможность выразить невыразимое, «неисчерпаемое и беспредельное в своём значении», «тёмное в последней глубине», «переживание забытого и утерянного достояния народной души» (Вячеслав Иванов, *Поэт и чернь*); 2) символ как возможность, наоборот, передать и выразить опыт сознания и освоения мира человеком, опыт человеческой культуры во всем её многообразии: от мифа и языка до познания (Эрнст Кассирер).

5. Предлагаемая в докладе интерпретация упомянутой выше статьи Владимира Вейдле демонстрирует, насколько в концепции этого учёного доминировали неогегельянские

подходы к теории символа. Этот факт объясняет очевидно, почему Вейдле избегает разговора о концепции диалогического символа (*Мысли о символизме*) Вячеслава Иванова, уходящей корнями в учение Гёте и поэзию Данте и пытающейся как бы соединить онтологию и эпистемологию символа.

Олег Марченко
Россия, Москва,
РГГУ / МГК им. П.И. Чайковского

«Мы две руки единого креста...»:
К теме устойчивости символа
в европейской культуре

In this report considers one of the symbols in the rich poetic heritage of Vyach. Ivanov. In the works of Vyach. Ivanov organically combined Ancient (Greco-Roman) and Biblical components of European culture. The subject of consideration is the XIV sonnet from the “Wreath of sonnets” of this outstanding representative of the Russian Silver Age. The symbol of the crucified Serpent, the author says, dates back to the Old Testament: “And the LORD said unto Moses, make thee a fiery serpent, and set it upon a pole: and it shall come to pass, that every one that is bitten, when he looketh upon it, shall live. And Moses made a serpent of brass, and put it upon a pole, and it came to pass, that if a serpent had bitten any man, when he beheld the serpent of brass, he lived” (Numbers 21:8–9)

Keywords: European culture, Vyacheslav Ivanov, symbol, Bible, Old Testament, New Testament, refiguration.

Речь пойдет об одном из символов в богатом поэтическом наследии Вяч. Иванова, поэта и мыслителя, теоретика символизма, выдающегося представителя русского Серебряного века, в творчестве которого органично сочетаются античная (греко-римская) и библейская составляющие европейской культуры. Предмет рассмотрения – сонет XIV из «Венка сонетов» (1910), вошедшего в поэтический сборник *Cor Ardens* (книга четвертая – Любовь и смерть).

В позднем диалоге Г.С. Сковороды «Потоп Зміин» находим следующее «соблазнительное» место: «Знаешь видь, что Змій есть, Знай же, что Он же и Бог есть». Это утверждение некоторые современные авторы, вслед за Владимиром Эрном

и о. Василием Зеньковским, склонны трактовать как проявление «гностицизма» (и в этой связи поминают даже секту «офитов»). На самом же деле это – традиционное прообразование («типология», *prefiguratio*), способ интерпретации Библии, в рамках которого ветхозаветные лица и события преуказывают, предзнаменуют, «прообразовывают» события новозаветные. В данном случае в основе лежит библейское повествование о медном змее, сделанном Моисеем в пустыне (Числа 21:8–9): прообраз Христа (Ин 3:14–15). Если спросить Моисея, зачем он сделал медное изображение змея и вознес его на крест, – объяснял непревзойденный проповедник христианского мира св. Иоанн Златоуст, – то он бы ответил: для того, чтобы предначертать образ домостроительства крестного, и как вознесен змей в пустыне, так подобает возвестись и Сыну человеческому («Слово о змие, повешенном на Кресте Моисеем в пустыне, и о божественной Троице»). Этот род смерти, распятие, Спаситель предпочел всем прочим еще и для того, – вторил Эразм Роттердамский, – чтобы напомнить нам о медном змее, которого некогда утвердил на шесте Моисей, дабы всякий, ужаленный змеею, возводил к нему взор и исцелялся; и чтобы исполнить слова пророка, который предрекал: “Скажите народам: господь царствует с древа!”» («Исследование веры»). Сюжет этот имеет и богатую иконографию; скажем, в San Ambroggio в Милане (где служил и где похоронен св. Амвросий, которого тот же Скворода называет в числе наставников в чтении Св. Писания) эта префигурация дана наглядно в виде двух симметрично отвечающих друг другу колонн, на капители одной из которых изображение моисеева медного змея, на другой – распятия. Та же префигурация на фресках Джотто в Capella degli Scrovegni в Падуе, и мн. др.

Вот герменевтическая традиция, в рамках которой прочитывается один из символов XIV сонета «Венка сонетов» Вяч. Иванова:

Мы две руки единого креста;
На древо мук воздвигнутого Змия
Два древние крыла, два огневые.
Как чешуя текучих риз чиста!..

Виктор Троицкий
Россия, Москва, Дом Лосева

От «разно-текущих потоков»
к обобщенной форме времени

The original hypothesis of time as a system of “counter” or “different direction” streams, which was developed in several poetic works of Vyach. Ivanov (“Melamp’s Dream”, “Person”, “Trees”) is considered here. We build the hypothesis into a related number of concepts from Heraclitus’s “enanthiodromia” to Nikolay Kuzansky’s “paradigm” and K.G. Jung and A.A. Ukhtomsky’s psychological doctrines. It allows to record the idea of some generalized time form which includes the majority of earlier known modes of a temporality as special cases. More precisely, exact place for extreme conditions of a temporality (“isolation from time” and “eternity”), various modes of “present” and zones of temporal balance known end specified in Greek cultural tradition as “Kairos” are pointed out within a special “diagramme of times”.

Keywords: Vyach. Ivanov, Heraclitus, Nikolay Kuzansky, K.G. Jung, A.A. Ukhtomsky, “different direction streams”, a generalized time form, a temporality.

В ряде наших прежних публикаций мы уже обращали внимание исследователей на оригинальную космологическую модель, или гипотезу времени, которую не трудно выделить в творческом наследии Вяч. Иванова, и прежде всего, в его поэме «Сон Мелампа» (1911, *passim*), мелопее «Человек» (1915, *passim*) и стихотворении «Деревья» (1918, часть VI). Выражена эта модель в своеобразной мифо-поэтической форме, поданной в виде сновидения героя Мелампа и соответствующих подробностей «космологического» характера, в этом сне сообщаемых герою от имени космологических причин, олицетворяемых в образе вселенских змей.

© Троицкий В., 2018

Кратко изложим космологическую линию «Сна»¹. Так, сквозь «шип тайнозвучный и шопот» спящий Меламп получает, во-первых, главное известие об устройстве мирового пространства-времени: само по себе время не однородно, не едино, вернее, «не едина вся вечность» (99)², и далее следует рассказ о загадочных морских просторах, в которых обитают души, «вольным дельфином» ныряющие:

Двигутся в море глубоком моря, те – к зарям, те – к закатам;
Поверху волны стремятся на полдень, ниже – на полночь:
Разно-текущих потоков немало в темной пучине,
И в океане пурпурном подводные катятся реки.

Меламп, конечно, заинтригован, он просит разъяснений и даже полного посвящения в тайну, и змеи соглашаются. Они берут «вещую душу» Мелампа и погружают ее в «бездны бездонные» Змеиной Нивы, где рассказ о мироздании продолжается и обретает подробности уже в «пении», «звоне» и «шорохах смутных» этой Нивы. Там спящий Меламп узнает, во-вторых, что «не единая» вечность составлена из Вечных Причин и Вечных Целей. Первые из них суть «Змеи-Причины», представляющие начало женское, видимое, земное, а вторые суть «Змии Целей», представляющие начало мужское, невидимое, небесное. Они взаимосвязаны, образуют вселенское целое, их «обручила судьба» воедино (100).

Далее рассказ возвращается к образу «моря в море», с тем отличием, что эти «разно-текущие потоки» получают еще и понятийную спецификацию, нам уже отчасти известную (100):

Так из грядущаго Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антирройя Ройю встречает.

В своем прозаическом комментарии к поэме Вяч. Иванов разъясняет, что Ройя, собственно *поток* по-гречески и Антирройя, собственно *противотечение* суть два «технических термина» в его метафизической концепции причинности (105). Ройя – это поток причинности, воспринимаемый нами «во временной последовательности движения из прошлого в будущее», а Антирройя – «из будущего в прошедшее». Еще

одно важное разъяснение делается относительно увязки Антирройи с Целями – именно, особо подчеркивает автор, «вопреки тексту поэмы», он принимает эту увязку «лишь условно» и советует рассматривать Антирройю «просто, как встречную причинность» (105). Другими словами, Вяч. Иванов с некоторой осторожностью связывал свои *termini technici* с известным разделением причин на формальные и телеологические, восходящим к Аристотелю.

Итак, художник нарисовал два «разно-текущих» или встречных, парно-сопряженных потока причинности и, соответственно, не один, но два *противоположно направленных потока времени*. Образ двух друг другу навстречу летящих «стрел времени», который дал нам «Сон Мелампа», требует особого внимания, ибо такой парно-встречной модели времени, в отличие от модели линейной и модели циклической, до сих пор еще не нашлось места среди основных представлений современной культуры.

В нашей работе «Гераклитова “энантиодромия” в космологических образах Серебряного века»³ мы уже указали ряд концептов-предшественников (разумеется, ряд – пунктирный) для такой модели времени – это учение о «реке рождения» и встречно текущей «реке уничтожения», приписываемое Гераклиту Эфесскому (собственно, *энантиодромия*), и это схема *парадигмы*, рожденная богатой наглядно-геометрической интуицией Николая Кузанского в трактате «О предположениях» (*Deconiecturis*, 1444). Ко времени создания поэмы «Сон Мелампа» и к области в ее культурных окрестностях относится творчество священника Павла Флоренского, у которого мотив «двух стрел времени» можно без особого труда отыскать в работах «Пределы гносеологии», «Иконостас» и «Мнимости в геометрии»⁴. Обнаруживают «разно-текущие потоки» времени также некоторые современные *физические теории* (в том числе, надо сказать, весьма экзотические), о чем также у нас указывалось⁵. Наконец, к сонму физических теорий следует присоединить современные *психологические теории* (или теории высшей нервной деятельности), к примеру, учение К.Г. Юнга о механизме компенсации и уравнивания сознательных и бессознательных («встречных») движений психики (Юнг даже

прямо реанимирует термин «энантиодромия»), или учение о доминанте и системообразующих механизмах «встречного» сопротивления ей, принадлежащее акад. А.А. Ухтомскому. Все это говорит лишь о том, что в поэме «Сон Мелампа» поэт и философ Вяч. Иванов обрисовал действительно фундаментальную модель времени.

Прибавим, что недавно выполнено обстоятельное исследование В.В. Петрова, в котором показано довольно большое разнообразие интертекстуальных связей (в том числе генетических) и переключек этой идеи «разно-текучих потоков» времени; перед нами предстают, в частности, имена и труды Шиллера, Шелли, Лейбница⁶. Указанные результаты и обстоятельства позволяют нам выдвинуть представление о некоторой *обобщенной (или универсальной) форме времени*, счастливо замеченной у Вяч. Иванова. Обобщенность (универсальность) при этом состоит в том, что данная модель времени включает в себя, как частные случаи, большинство ранее известных модусов темпоральности (если не все).

Для демонстрации таковой модели прибегнем к несложной геометрической абстракции, уже подсказанной по ходу нашего изложения – воспользуемся специальной «*диаграммой времени*», которую построим по образцу «парадигмы» (или «пирамиды света и тьмы») Николая Кузанского. В указанном выше трактате «О предположениях» она графически представлена в виде двух взаимопроникающих и встречно направленных треугольников, один из которых символизирует «пирамиду света» (или *единства*), убывающую в сторону «тьмы», а второй – «пирамиду тьмы» (или *инаковости*), входящую с симметричным убыванием в область «света». Эту фигуру Кузанец призывал использовать «во всех исследованиях», научаясь видеть «Вселенную, сведенную» усилием ума к данной фигуре универсума⁷. Воспользуемся призывом Николая Кузанского и будем представлять один из его «треугольников» как время, направленное из прошлого в будущее (спадающая кусочно-линейная функция), а другой – как время «встречное», движущееся из будущего в прошлое (кусконо-линейная функция, симметричная первой). Тогда суммарная (общая, обобщенная) темпоральность представляется какразность этих двух функций.

На построенной таким способом «диаграмме времени» можно указать «естественные места» фактически для всех известных форм темпоральности:

- две формы «вечности» (как сказано, «*не едина вся вечность*»), расположенные по краям встречных «треугольников» или «потоков», одна из которых суть «безвременье», другая – «полнота времен»;
- одна из двух «стрел времени» (каждый из «треугольников» или «потоков», взятых в отдельности);
- циклическое время (строится по мере перемещения наблюдателя из зоны одного «треугольника» или «потока» в зону противоположного «треугольника» или «потока»);
- зона темпорального равновесия, «кайроса» (строга средняя часть «диаграммы»).

Примечания

¹ Описываем эту линию, следуя нашему разбору «Сна Мелампа» в работе: *Троцкий В.П.* Об одной модели времени у Вяч. Иванова // Символ. № 53–54 (2008). Москва – Париж. Вячеслав Иванов: несобранное и неизданное. С. 815–825.

² Здесь и далее цифрами в скобках даются ссылки на страницы по изданию поэмы «Сон Мелампа» в кн.: *Иванов Вячеслав.* CogArdens. Часть первая. М., 1911. С. 98–105.

³ *Троцкий В.П.* Гераклитова «энантиодромия» в космологических образах Серебряного века // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи. М., 2010. С. 120–127.

⁴ Там же. С. 125–127.

⁵ Там же. С. 122–123; см. также: *Кузнецова О.В.* Из истории физики с двумя знаками времени // Исследования по истории физики и механики. 2002. М., 2003.

⁶ *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в *Сне Мелампа* Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова / Europa Orientalis. 2017. № 29. С. 23–54.

⁷ *Николай Кузанский.* О предположениях // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1979. С. 207.

Анна Резниченко
Москва, РГГУ

От магии звука к магии слова.
Павел Флоренский
между символизмом и авангардом

The report examines the experience and forms of appeal to the Russian Avant-garde and the Russian Symbolism in the “Lectures on the History of Philosophy” by priest. P.A. Florensky. Three main stages of addressing to the Symbol (1908–1909, 1912, 1914–1916) in the framework of “Lectures...” are analyzed – and the basic models of interpretation Symbol’ Problem by Florensky in the context of the public and philosophical discussions of that time: the discussions around the “Vehi” and the “case of Beilis” the “Struggle for the Logos” (the controversy about Kant), the discussion about the Name of God. “Lectures on the history of philosophy” P.A. Florensky read in the Moscow Theological Academy in the period from 1908 to 1918. These lectures was a creative laboratory for the well-known works of Florensky: “The Pillar and Ground of the Truth” and “At the Divides of thought”.

Keywords: Russian Avant-garde, Russian Symbolism, Symbol, Name of God, P.A. Florensky, Vyach. Ivanov, K.G. Jung.

В докладе рассматривается опыт и формы обращения к сформированным и существовавшим практически одновременно, но воспринимаемым сейчас как конкурентные школы традициям русского символизма и русского авангарда в «Лекциях по истории философии» свящ. П.А. Флоренского. Анализируются три основных этапа обращения к проблеме символа (1908–1909, 1912, 1914–1916 гг.) в рамках «Лекций...» – и основные базовые модели интерпретации этой проблемы Флоренским в контексте публичных общественно-

© Резниченко А., 2018

Выполнено при поддержке РГНФ, проект 17-04-00362a

философских дискуссий того времени: спор о «Вехах», «борьба за Логос» (спор о Канте), имяславческая дискуссия, дискуссия вокруг «дела Бейлиса».

«Лекции по истории философии» свящ. П.А. Флоренского были прочитаны в Московской Духовной Академии в период с 1908 по 1918 год. Этот корпус, частью опубликованный («Лекции по античной философии», «Лекции по философии Нового времени»), частью же – только сейчас вводимый в научный оборот («Лекции о Канте» и «Лекции об Имени (о Каббале)», – представляет собой несомненную творческую лабораторию для широко известных работ Флоренского: «Столп и утверждение Истины» и «У водоразделов мысли». В рамках доклада речь пойдет, в частности:

- о причинах эстетического неприятия визуальной и поэтической авангардной культуры выдающимися представителями русской философии (Флоренский в данном случае является исключением);
- о Грабаре, Матиссе, Пикассо и «Трупe красоты»;
- о Флоренском и авангарде (почему Василиск Гнедов соседствует с Вячеславом Ивановым?);
- о магии вообще и магичности слова в частности (опыт оккультных практик как путь к созданию лингвистических теорий);
- о магии звука (идеи Флоренского – и исторический опыт создания «Лаборатории живого слова»).

В качестве вывода предлагается сопоставить определение символа, данное Флоренским в «Имяславии как философской предпосылке», с другими его определениями (прежде всего в статьях Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме» и «Simbolismo» – и с юнгианской традицией).

Светлана Федотова
Россия, Москва,
ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

«Загадка» символизма Вяч. Иванова
в интерпретации Л. Гоготышвили

The article focuses on solving the linguistic “riddle” of the mythological symbolism of Vyach. Ivanov, proposed by L.A. Gogotishvili. The topic deals with analytical techniques of subject-predicative analysis and the theory of reference, which allowed the author to derive the “linguistic formula” of Ivanov’s poetry – the antinomic principle of mythological utterance; to describe the linguistic mechanism of Ivanov novation – the extension of the functions of predicate, the antinomization of all levels of the poetic language; to reveal the referential possibilities of mythological proposition. The work emphasizes a conceptuality, logical coherence, methodological thinking out of the original Gogotishvili approach, which has been generated a new look at the features of Ivanov’s poetic mind (“philological”, “embarrassment” and system), that allows to be viewed them not in thematic, but in the operational-phenomenological clue. At the same time, the terminological complexity and paradox conclusions of Gogotishvili, which impede to acquire her innovative ideas, are noted.

Keywords: mythological symbolism, Vyach. Ivanov, L.A. Gogotishvili, subject-predicative analysis, theory of reference, linguistic mechanism, antinomism.

В современных исследованиях феномена символизма Вяч. Иванова работы Л.А. Гоготышвили занимают особое место. Предложенная ею интерпретация символизма ивановского типа, отличаясь продуманной концептуальностью, использованием аналитических техник и лингвистических теорий, отпугнула многих своей терминологической слож-

ностью и непроверяемостью выводов, колеблющихся установившиеся мнения. По минимальному количеству ссылок на статьи Гогтишвили и по их обобщенному характеру можно достаточно определенно заключить о том, что в иванововедении ее оригинальная концепция в лучшем случае занимает маргинальную позицию, в худшем – просто не освоена специалистами или не принята (хотя открытых опровержений ее теории тоже не найти). А между тем на фоне переживаемого методологического кризиса в гуманитаристике в целом работы Гогтишвили развивают одно из плодотворных направлений на стыке литературы, философии и лингвистики – «феноменологию непрямого говорения». Мощным толчком к теоретическому обоснованию этого малоизученного научного поля послужило, в частности, интеллектуальное усилие для решения «загадки» символизма Вяч. Иванова.

Исходной посылкой Гогтишвили является пафос символизма – возможность прорыва с помощью языка в мир трансцендентных сущностей. Отсюда вытекает телеология символизма – распредмечивание референта символического высказывания, запрет на его прямое именование, теоретическое обоснование бесконечности значений символа и лингвистические эксперименты с его поэтическим воплощением, которые необходимы для «опрозрачивания» материи, образно-психологических представлений, закрепленных в семантике и синтактике языка.

Рассмотрение феномена мифологического символизма Иванова с помощью аналитических техник субъект-предикативного анализа и теории референции приводят к выведению языковой формулы его символической поэзии – антиномическому принципу мифологического высказывания. Лингвистический механизм ивановского антиномизма – скрещение антиномичных предикатов, которые формально выступают в роли логического субъекта и предиката высказывания. Референтом мифологического высказывания (в пра-мифе – тождественного антиномического суждения) является не сам трансцендентный мир, а состояние сознание, которое меняется от переживания единства противоположностей и тем самым оказывается

готовым «вспомнить» врожденные платоновские идеи. В языковой инсценировке катартической интенции сознания – назначение «реалистического символизма».

Отсюда – новый взгляд на «филологичность», «затрудненность» и системность поэтической мысли Иванова: они заключаются не в тематизации каких-то заимствованных идей или филологических познаний, а в переводе их в операциональный модус структуры поэтического высказывания, построенного на глубинном антиномизме языка. Смысл рождается непрямо, поверх семантической затрудненности. В этом заключается языковая новация Иванова-поэта. После открытия «лингвистической формулы» его символизма проблематизируются распространенные приемы анализа отдельных символов его поэзии.

Тинатин до Егито
Россия, Москва, ИСТГУ

Влияние религиозно-философских
воззрений Вячеслава Иванова
на творчество Сергея Эйзенштейна

Religious and philosophical views of Vyacheslav Ivanov, including the idea of the “Conciliar Theater”, become decisive for the whole work of Sergei Eisenstein. The director consciously mythologizes the sacred event to the Revolution, turning it into a Meta great event. An example of conciliarity, understood by him as a fraternal union in love, appears in the final of the film “The Battleship Potemkin”. And although it strongly resembles utopia, the myth created by the director turns out to be stronger.

However, in the overwhelming majority of Eisenstein’s films, the theme of “conciliarism”, the unity of impersonal masses, characters occurs through death, at the very moment of death. Most acutely, this is expressed in Eisenstein’s very first film “Strike”, where the people, as a sacrificial animal, are brought to the “altar of revolution”, the image of the mass grave, is the true image of the very “collegiality”, refined of utopia.

Keywords: Sobornost (Conciliarity), Dionysianism, ecstasy, Revolution.

Молодое советское искусство 1920–1930 гг. ознаменовалось появлением целого ряда утопических проектов. К таковым можно отнести идею «Соборного театра» Вячеслава Иванова. В 1918 г., возглавив театральный отдел Наркомпроса и читая лекции в Пролеткульте, Вячеслав Иванов переходит к воплощению своего замысла.

В его основе представление о театре как о мистерии, как о масштабном всеобъемлющем действе, которое не

только подразумевает множество актеров-исполнителей, но и активное включение в процесс зрителей. Иванов провозглашает ренессанс в театре, возврат к истокам античного театра, но с неожиданным поворотом в сторону исконно русского религиозно-философского понятия соборности.

Идея «Соборного театра», воспринятая молодым Сергеем Эйзенштейном, который к тому времени уже сотрудничал с Пролеткультом, заставила его искать иной формат для ее воплощения. Так он обращается к кинематографу, где последовательно развивает религиозно-философские идеи Вячеслава Иванова.

Особенность концепции Иванова – в соединении таких, казалось бы не сочетаемых элементов, как «дионисийство» и «соборность». Иванов полагал, что человечество утратило всякую связь с трансцендентным, лишилось духовного измерения, только всеобщее единство в стремлении к Богу может помочь преодолеть это отчуждение. Соборность в понимании Иванова – это проект по созданию «нового человека». Именно этот подход становится очень созвучен духу времени, идеологическим установкам страны. В трансформированном тоталитарным дискурсом виде он становится основным трендом всей довоенной эпохи. Для Эйзенштейна эта идея также является доминирующей, именно она лежит в основе его «революционной трилогии».

Ключевым как для Иванова, так и для Эйзенштейна становится понятие «экстаза» – выхода за пределы своей природы, способа преодоления индивидуализма. Богопознание, утверждает Иванов, невозможно без экстатического приобщения к дионисийству (самая яркая иллюстрация-сцена «Пляски опричников» из фильма «Иван Грозный» часть 2).

Эйзенштейн изучает опыт религиозных мистиков (Игнатия Лойолы и др.). И Иванов, и Эйзенштейн приходят к выводу о том, что экстатические переживания – суть религиозные переживания. Эта идея имеет главенствующее значение для всей его эстетики.

Для Эйзенштейна идеальным образом «нового бога» Диониса (ибо прежний Бог мертв) становится Революция.

Революция представленная как событие космологического характера. Через массовый экстаз, через жертвоприношение сотворение «нового мира» и «нового человека». Тема жертвоприношения одна из основных в творчестве Эйзенштейна. К финалу фильма «Стачка» множество героев-революционеров как бы сливаются в единый образ, образ народа-страдальца, народа-мученика. Народ предстает в роли жертвы, которая приносится на «алтарь революции».

Для Вячеслава Иванова миф подразумевает связь с неким пра-событием. Мы находим примеры подобного рода актуализации современных событий за счет их связи с некими первоначальными явлениями в кинематографе Эйзенштейна (сцена «Пещное действо» из фильма «Иван Грозный» 2 часть, фильм «Бежин луг»). Но Эйзенштейн предлагает и обратный ход, когда современные ему события сознательно им мифологизируются и превращаются в такие Мета пра-события, как, к примеру, игровые кадры фильма «Октябрь» до сих пор воспринимаются и используются в качестве хроники событий октября 1917 г.

Александр Марков
Россия, Москва, РГГУ

Русская ангелология
как предмет интеллектуальной истории

Although the treatises of Russian angelology are well documented both in the line of ascetic anthropology (rev. Vasiliy Krivoshein, rev. Kiprian Kern, Vladimir Lossky), and in the line of speculative cosmology (rev. Pavel Florensky, Alexei Losev), as well as their prehistory in the controversy of rev. Theophan the Recluse against rev. Ignaty Bryanchaninov no less is found the principle of the study of the angelic world uniting all directions of Russian religious thought. The paper suggests the following approach, which allows us to reconstruct the initial intuitions of angelology. 1. The connection of angelology with the understanding of apocalyptic time, in the interpretations that it received from Fedor Bukharev to rev. Serge Bulgakov: the interruption of the linear movement of time, the new mode of events as “signs”, the understanding of meanings as gaps and simultaneously as forms of cathartic recognition of what is happening, and standardization of apocalyptic events. 2. The transition from linear to vector understanding of cognition as an aspiration, reinforcing the presence of the thing itself, and not just revealing its next aspects, in elder Lossky, D.V. Boldyrev and others as an attempt to answer the challenge of neo-Kantianism with its critical rationing of scientific knowledge. The vector approach implies the dramatization of cognition, the transformation of usual metaphors of cognition as a theater or scene into working metaphors of affective or affirmed cognition, dramatization of the position of the subject itself in the affirmation of the renewed realism of things. In this case, the angelic world turns out to be an ideal “vector” world. 3. Investigation of the mental life of the subject both in intuitionism, including Boldyrev, and in the metaphysics of Florensky, which under-

stands mental processes as their concentration preventing the waste of creative forces, whereby pure knowledge is identified with pure concentration, and the angel becomes an example of such non-waste, and samples of such non-waste are searched in history, which leads to the victory of conservative political and cultural projects, combined with the “lightning” innovations of intuitions. 4. Well-studied role of the mathematics of G. Cantor for Florensky and Losev, in particular, for Losev’s understanding of angels as continual subset, in which their counting is reduced only to belonging to the will of the Logos. At the same time, the question of fallen angels is solved by Losev in voluntarist mood, and the question of our knowledge of the angelic world in intuitivist mood. 5. Aesthetic understanding of “intelligent non-existence”, aesthetics of mystic light, including with psychoanalytic implications. 6. Optical illusions of the circus and cinema of the 1920s, important for A.F. Losev, who directly describes the angelic world as the world of rectification of curves, which corresponds not only to mathematical models, but also observations of objects at high speeds, which was normative in the fiction of the time that described the catastrophe. So the apocalyptic themes are closed in epistemological disputes, while providing serious apparatus of logical and mathematical models of being.

Keywords: angelology, Russian religious philosophy

Хотя опыты русской ангелологии хорошо документированы как в линии аскетической антропологии (Василий Кривошеин, Киприан Керн, Владимир Лосский), так и в линии спекулятивной космологии (Павел Флоренский, Алексей Лосев), равно как и предыстория их в полемике Феофана Затворника против Игнатия Брянчанинова, тем не менее не найден объединяющий все направления русской религиозной мысли принцип исследования ангельского мира. В докладе предлагается следующий подход, позволяющий реконструировать начальные интуиции ангелологии.

1. Связь ангелологии с пониманием апокалиптического времени, в тех интерпретациях, которые оно получало от Федора Бухарева до Сергия Булгакова: прерывание

линейного движения времени, новый режим событий как «знамений», понимание смыслов как разрывов и одновременно как форм катартического узнавания происходящего, одновременно эстетизация и нормативизация апокалиптических событий.

2. Переход от линейного к векторному пониманию познания как устремления, усиливающего присутствие самой вещи, а не просто раскрывающего ее очередные аспекты, у Лосского-старшего, Д.В. Болдырева и других как попытка ответа на вызов неокантианства с его критическим нормированием научного познания. Векторный подход подразумевает драматизацию познания, превращение привычных метафор познания как театр или сцена, в работающие метафоры аффективного или аффицированного познания, драматизацию самой позиции субъекта при утверждении обновленного реализма вещей. В таком случае ангельский мир оказывается идеальным «векторным» миром.

3. Исследование ментальной жизни субъекта как в интуитивизме, включая Болдырева, так и в метафизике Флоренского, понимающее психические процессы как их сосредоточение, препятствующее растрате творческих сил, где тем самым чистое познание отождествляется с чистой сосредоточенностью, и ангел становится образцом такой не-растраты, причем образцы такой не-растраты ищутся и в истории, что приводит к победе консервативных политических и культурологических проектов, соединенных с «молниеносными» инновативностями интуиций.

4. Хорошо исследованная роль математики Г. Кантора для Флоренского и Лосева, в частности, для понимания Лосевым ангелов как континуального подмножества, в котором их счетность сводится только к принадлежности воле Логоса. При этом вопрос о падших ангелах Лосев решает как волюнтарист, а вопрос о нашем познании ангельского мира – как интуитивист.

5. Эстетическое понимание «умного небытия», эстетизация мистики света, в том числе с психоаналитическими импликациями.

6. Оптические иллюзии времен цирка и кинематографа, важные для А.Ф. Лосева, прямо описывающего

ангельский мир как мир выпрямления кривых, что соответствует не только математическим моделям, но и наблюдениям за объектами на больших скоростях, что было нормативным и в художественной литературе того времени, описывавшей катастрофу. Так апокалиптические темы замыкаются в гносеологических спорах, при обеспечении громоздким аппаратом логических и математических моделей бытия.

святц. Алексей Волчков
Россия, Санкт-Петербург, СПбДА

Иконы, идолы и священный текст.
Как философия Ж.-Л. Мариона
может помочь в интерпретации Библии?

Philosopher Jean-Luc Marion talks about the difference between “icons” and “idols”. The difference between them lies in the way in which we use it for worship. When we treat something as an idol, we treat it as the thing that we should worship for its own sake. On the other hand, when we treat something as an icon, the icon points us beyond itself to something greater which demands our worship. By mischance, in traditional piety, the Bible is often viewed as an idol, as an incarnated God. Biblical criticism defies this “idololatry”, pointing about numerous fallacies and lapses in the Scripture. Should we still venerate Bible in old-fashioned mode? How can we resist the decisive power of bible criticism? Marion’s concept of the “icon” is a good point to begin a recapturing of the Bible as the “Other”, trustworthy for believer book. ‘Iconic gaze’ on the Bible is when one takes the Scripture as a God’s “trace”, “sign” and “footprint”, but not a God itself. In every reading act, God simultaneously reveals and hides. In his works Jean-Luc Marion outlines what he sees to be the central issue in the relationship between theology and the philosophy of religion: the thinking of revelation. In Marion’s philosophy, the transformational power of narrative about God receives more emphasis than the power of God itself. But does this approach saves us from the despotism of Biblical criticism, but moves as to “linguistic idolatry”, where God’s revelation is viewed merely as a part in a mosaics of authoritative narrative, rather as the gracious foundation of the Christian life?

Keywords: Jean-Luc Marion, Iconic Gaze, Postmodern Phenomenology, Hermeneutics, postmodernism, poststructuralism, theology, metaphysics, post-secularism, Jacques Derrida, logocentrism, ontotheology, apophatics

Как можно воспринимать «истинность» Священного Текста в свете постмодернистской парадигмы? Если мы не можем воспринимать Библию как альфу и омегу сущего, сумму истинного знания, адекватно и исчерпывающе излагающую информацию о Боге, то что нам остается? Исходя из постструктуралистской парадигмы, Библия и священная традиция Израиля в целом может рассматриваться как *след* (*франц. trace*) Бога. В этом следе Бог предстает в Откровении в той же мере, в какой и утрачивается. Для отдельных христианских конфессий подобная оценка граничит с атеизмом. Однако для многих исследователей и мыслителей постмодернистская метафора «следа» дает возможность избежать крайностей как фундаментализма, так и неверия в ходе своей научной работы. Метафора Писания как «завесы», за которой скрывается единственно важное метафизическое объективное знание, принижает значимость непосредственно текстуальной природы Библии. Ведь «завесу» нужно поскорее раздвинуть, чтобы обрести истинное знание. Между тем образ «следа» подразумевает более уважительное и бережное отношение к ткани библейского текста, тому пространству, что хранит отпечаток Божества. Библейский автор занимается «семиотическим освоением» религиозного опыта, своего собственного или принадлежащего общине в целом. Инструмент освоения – сознание, и язык – тот неизбежный посредник, который затрудняет непосредственный контакт с описываемой действительностью, но при этом и делает его возможным. В этой связи все явления духовной жизни на уровне семиотического обозначения предстают в виде следов своего бывшего присутствия.

Воспринимаемые в качестве «следа» библейские повествования обретают свою «иконичность». Икона указывает на Бога, в то время как идол утверждает, что содержит трансцендентальное в себе. То, что обозначается, никогда не присутствует, не «наличествует» в знаке. Письмо пронизано отсутствием, знак замещает что-то, указывая на его отсутствие. Представление об идоле и иконе, ставшее частью современного философского дискурса благодаря творчеству Жан-Люка Мариона, помогает лучше понять природу

библейского текста. Как и икона, сакральный текст лишен Бога, свидетельствует о Его *отсутствии*. Текст не содержит Бога, сам не является Богом, но указывает на Него, является *следом* Его присутствия. Там, где констатируется присутствие Бога, мы встречаемся с опасностью впасть в метафизическое (или культовое) идолопоклонство. Марион учит, что один и тот же элемент нашего опыта может выступать одновременно в качестве и «идола», и «иконы». Разделение зависит не от самого объекта («что»), но от «как» нашего восприятия. «Идол» оправдывает наши интеллектуальные ожидания, гармонично вписывается в существующие интеллектуальные конструкции. «Иконой» оказывается то, что демонстрирует неудовлетворительность любых метафизических обобщений и синтезов, указывает за собственные пределы. Любая теология, исходящая из постулирования соответствия между реальностью Божества и предлагаемыми системами, является *идолопоклоннической*.

прот. Владимир Зелинский
Италия, Брешия

Богословие общения

What does it mean, the theology of communion? It means that in the light of the story which we lived the confession of our faith could not be cut of the experience of the other. The theology of communion is not invention of our time, but the new discovery of that which was from the beginning. When the Lord ordered to Adam to give the names to His creatures, He opened the way to communion between His things and the family of man. This way is nothing else, than love.

Keywords: The theology of communion, comprehension of our historical experience, the light of the creation, Logos, Word, Name.

Что такое «богословие общения» и почему оно понадобилось? Присутствие нашего ближнего или дальнего откладывает свой отпечаток на наше усвоение и осмысление веры во Христа, дает ему особое освещение. Главное наследие нашей веры сосредоточено более всего на духовной драме покаяния – спасения, которая совершается почти исключительно во внутренней клетке человека. Но сегодня мы уже не можем отделить это священное наследие от человеческой истории и опыта, который мы в ней обрели. Опыт этот, часто трагический, неизбежно обращает нас к тому, что происходит вне нас, за пределами души, к той среде, к той ситуации, в которой мы сосуществуем с другими. Богословие общения – не интеллектуальное изобретение нашей эпохи, но скорее новое осмысление факта сосуществования с другими. Неизбежно возникает вопрос: вправе ли мы что-то переосмысливать, не предавая того, что сакрально и освящено веками? Но уже у первых апологетов мы находим интуицию об «осеменяющем Слове» (λόγος σπέρματικός),

© Зелинский В., 2018

заброшенном Богом во всякое существо, уже у Максима Исповедника мы встречаем учение о логосах, живущих во всем, что создано Словом Божиим. Логосы – не глухонемые монады, они обращены друг ко другу, они находятся во взаимодействии, взаимослышании, и в центре его – Слово, через «которое все начало быть...» И тварный мир вдруг открывается как невероятно сложная и гармоничная симфония общения сотворенных существ, причем не только разумных. В наши дни богословие общения выливается в богословие защиты творения и диалога с ним. Когда Господь повелел Адаму давать имена всем тварям живым, разве не пригласил Он его к общению с ними? От того, как мы именуем вещь, зависит ее судьба в мире и наши отношения с ней. Когда мы что-то благословляем, мы даем этому имя одного из творений Божиих. Благословение – тот образ общения с вещью, в который мы приглашаем и Бога. Если Бог есть любовь, то что такое любовь как не совершеннейший вид общения?

Светлана Коначёва
Россия, Москва, РГГУ

Воображение и метафора в теологическом языке

The paper is devoted to the role of imagination and metaphor in the language of contemporary theology. We analyze Richard Kearney's diacritical hermeneutic as an example of transition of theological language from theologics to theo-poetics. Modifications of the theological language are associated with transformations in the understanding of theology itself. Theology is understood as a cartography that will lead to a place, a *topos*, where divine revelation may occur and knowledge of God may be discovered. We also consider the influence Ricoeur's theory of metaphor on the development of the poetic language of postmodern Christian theology

Keywords: R. Kearney, theological language, topos, knowledge of God, postmodern Christian theology

В постмодерной теологии теопэтика окончательно утверждается в качестве мыслительной и языковой стратегии. Целый ряд теологов, и среди них, прежде всего, Ричард Керни, обращаются не только к символу и метафоре, но акцентируют роль воображения в теологическом языке. Изменения в трактовке теологического языка связаны с трансформациями в понимании самой теологии, которая зачастую воспринимается как своего рода картография, изображение пути, который призван привести к месту, топосу, где может произойти божественное откровение и знание Бога может быть явлено. Обращаясь к различным темам, теология озабочена поиском «пути», правильного, надлежащего пути, пытается найти способ или один из многих способов, которые могут привести людей к какому-то знанию о Боге. Теология предстает также как тропологическое исследование

© Коначева С., 2018

дование, связанное с «путями» языка, с лингвистическими «тропами», которые ведут «круглыми путями». Теологический язык может стремиться к большей специфичности или строгости, но он всегда остается словарем второго порядка, зависящим от относящегося к первому порядку религиозного языка веры и свидетельства. Для христианской теологии язык первого порядка исходит из Священного Писания, текста, составленного из множественных литературных тропов, включая такие фигуры речи, как символы, метафоры и нарративы, которые составляют множество библейских языков. Попытка интерпретировать эти языки, выявить «собственный смысл» Библии, достигнуть подлинной библейской интерпретации, чтобы прийти к ясному герменевтическому пониманию, оказывается действительно сложным путем, требующим особых лингвистических способов работы с традицией. Ричард Керни настаивает на том, что в постмодернистском, постлиберальном, посткритическом и постсекулярном культурных контекстах теология должна думать одновременно с традицией и против нее, но при этом она должна попытаться спасти, через трансформацию и реинтерпретацию, библейский язык, который имагинативно ограничивает откровение Бога.

В разработке теопэтики на Керни существенное влияние оказала герменевтическая философия Поля Рикера. Для Рикера теология развивается из лингвистической матрицы метафоры ипредельного выражения, которое, в свою очередь, характеризует изначальный поэтический язык веры. Этот изначальный язык является реакцией на творческое слово Бога и пытается именовать Бога через различные текстовые жанры, которые зависят от творческой способности фигуративного языка как открытию новых семантических полей. Ключевым примером этой поэтической динамики становится метафора, которую Рикер исследует в контексте способности воображения сталкиваться с семантической дерзостью метафорических предикаций и «видеть» новые комбинации значений и референций, развивая эту дерзость через семантические инновации. Семантическое воображение использует многозначность слов и многозначность текстов, чтобы поставить под сомнение *статускво* и про-

ектировать альтернативные миры как возможные способы реструктурирования реальности. Отклоняя буквальные описания референции первого порядка и заменяя их поэтическими переописаниями, которые опосредуют новые значения через вторую референцию, воображение предпринимает «онтологическое исследование», которое «видит» «я», мир и даже Бога новыми и разными способами. Керни полагает, что «имажинативная вариативность» сближает поэтический и религиозный язык: так же, как поэтические тексты в принципе представляют «модели» реальности и «модели для» реальности и побуждают читателя соответствовать этим моделям, поэтический язык христианской теологии предлагает модели себя, мира, Христа и Бога.

Алексей Лызлов
Россия, Москва, РГГУ

Онтологическое понимание языка
в работах И.Г. Гамана

Understanding of the language in the works by J.G. Hamann is considered as preceding the M. Heidegger's philosophy of language. However, if Heidegger refuses the theological concepts and thinks the language exclusively in an ontological way, Hamann understands the language not in an ontological, but in an ontotheological way. Hamann's apprehension of the word as both the ground of all things and the basis of human understanding is discussed. The relationship between the word of God and the word of man; speech as a "translation" of the God's word, that sounds in the creation, into the human language; the specifics of the language situation after the fall, are discussed as the essential themes of Hamann's philosophy of language. The historicity of human language and speech and the interrelations between language, creativity and sexuality are posed as important themes of Hamann's controversy with the philosophy of the Enlightenment and the origins of some subsequent philosophical conceptions.

Keywords: Hamann, Kierkegaard, Heidegger, enlightenment, incarnation, language, word, speech, analogy, creation, philosopher, poet.

Иоганн Георг Гаман (1730–1788) – мыслитель, не только оказавший влияние на философию и литературный процесс своего времени, но и сумевший дать импульсы, которые найдут продолжение уже в философии 19 и 20 вв. Так, И.Г. Гаман является предшественником С. Кьеркегора (хорошо знавшего его работы) в рассмотрении мышления как укорененного в личном экзистировании (*Tilværelse*)

© Лызлов А., 2018

Выполнено при поддержке РГНФ. Проект № 16-06-00995а.

человека и в ряде моментов, принципиальных для кьеркегоровской разработки проблемы бытия самим собой; а своим пониманием языка он в важных чертах предваряет философию языка позднего Хайдеггера, относившегося к Гаману с большим интересом и уважением. Но если Хайдеггер исключает эксплицитно теологическую проблематику, то Гаман понимает язык в онтотеологическом осмыслении языка.

В полемике с современными ему пониманиями языка как *инструмента* разума и как системы знаков, лишь *указывающих* на то и *обозначающих* то, что *воспринимается* безотносительно к языку (как, напр., у Гердера в «Трактате о происхождении языка»), Гаман выдвигает понимание языка как того, чем одновременно определяется и бытие всего сущего, и способность человека (как ζῷον λόγον ἔχον) это сущее понимать. По мысли Гамана, согласно библейскому повествованию о сотворения мира, всякая вещь является как бы оплотнённым словом Бога (при этом сотворение мира мыслится Гаманом в перспективе воплощения Бога-Слова). Человек, сотворённый по образу Божию, способен читать «книгу мира»; человек – это творение Божие, с которым Он говорит посредством творения (вещей и явлений сотворённого мира). Человеческий язык – основа *человеческого* восприятия мира и *человеческого* его постижения; единый корень чувственности и рассудка, как указывает Гаман в полемике с Кантом. При этом человеческое слово связано со словом Бога как λογὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς отношением аналогии; первой речью человечества (сохраняющей онтологическое первенство и впоследствии), была по Гаману (вслед за Дж. Вико, которого он читал) речь поэтическая. Говорение Гаман понимает как «перевод» звучащего в творении слова Божьего на человеческий язык; отношение аналогии указывает на возможность такого перевода и одновременно на то, что никакой такой человеческий «перевод» не исчерпывает переводимого.

По мысли Гамана, в нынешнем, падшем состоянии человечества целостность восприятия человеком «поэмы» Божьего творения оказалась утрачена, и «для нас в природе остались только обрывочные строфы и disiectimembra-

poetae. Собрать их вместе – призвание учёного, дать им толкование – призвание философа; воспроизвести их в подражании их единой целостности – или даже ещё дерзновеннее! – оживотворить их – вот скромный удел поэта» (И. Гаман). Указанную задачу поэт решает не в отречении от специфики родного ему языка, диалекта и индивидуальной манеры говорения, но лишь актуализируя возможности таковых.

Татьяна Резвых
Россия, Москва, ПСТГУ

Функциональный персонализм Вильгельма Штерна

The report discusses the main provisions of the original system of personalism of outstanding German and American psychologist V. Stern, which is still practically unknown in Russia. The article primarily considers Stern's criticism of early personalism and impersonalism. The main feature of the understanding of personality is that in place of the ability of consciousness the philosopher puts the function of individual expedient activity as the self-development of personality. A detailed analysis of the characteristics of this model is undertaken: simultaneous consideration of the personality from the point of view of teleology and causality, putting at the basis of the personality of such objective indicators as self-preservation and self-development, understanding of being as a hierarchy of personalities, panpsychism. The system of acting and interacting personalities exists between the two limits of absolute personality ("God") and absolute impersonality ("matter"). Stern rethinks understanding causality. He understands it as individual causality. The world is a hierarchically organized organism of individuals. Every person is a living being, potentially capable of development. The epistemological foundations of the Stern ontology are considered. At the basis of his ontology lies the rethoughtful teaching of Kant on categories. The concept of Stern is included in the context of the ideas of personalism in Russia in the late XIX – early XX century.

Keywords: personalism, impersonalism, mechanicism, personality, function, teleology, self development, causality, panpsychism, hierarchism

В докладе рассматриваются основные положения до сих пор практически неизвестной в России оригинальной системы персонализма крупного немецкого и американского психолога В. Штерна. Рассмотрена критика Штерном предшествующего персонализма и имперсонализма. Главная особенность понимания личности состоит в том, что на место способности сознания философ ставит функцию индивидуальной целесообразной деятельности как саморазвития личности. Предпринят развернутый анализ особенностей данной модели персонализма: одновременное рассмотрение личности с точки зрения телеологии и причинности, полагание в основании личности таких объективных показателей, как самосохранение и саморазвитие, понимание бытия как иерархии личностей, панпсихизм. Штерн переосмысливает понимание причинности. Он понимает ее как индивидуальную причинность. Мир есть иерархически устроенный организм личностей. Всякая личность – живое существо, потенциально способное к развитию. Система действующих и взаимодействующих личностей существует между двумя пределами абсолютной личности («Бога») и абсолютной безличности («материи»). В докладе также проанализированы гносеологические основания онтологии Штерна. В основе его онтологии лежит переосмысленное учение Канта о категориях. Концепция Штерна включена в контекст идей персонализма в России в конце XIX – начале XX в.

Людвиг Вильгельм Штерн (1871–1938) вошел в историю прежде всего как создатель дифференциальной психологии, изучающей различия между индивидами с использованием точных описаний, измерений, тестов. Штерн был одним из пионеров тестовой методики в психологии, в 1912 г. он ввел понятие психологического показателя интеллекта (*Intelligenzquotient*). Философские основы дифференциальной психологии были сформулированы Штерном в первом томе первой книги «Личность и вещь» (1906). Здесь Штерн поставил задачу объяснить душу и тело, личность и вещь, телеологию и причинность из одного принципа, предпринял грандиозную попытку создать систему так называемого критического персона-

лизма, который, по замыслу, должен был соединить в себе как результаты предшествующих персоналистических концепций, так и достижения наук о природе.

Персонализм Штерна является синтезом «наивного персонализма», разделяющего душу и тело, личность и вещь, причинность и телеологию, и имперсонализма, односторонне отрицающего личность и превозносящего закон причинности и законы механики. Между двумя пределами абсолютной личности («Бога») и абсолютной безличности («материи») разворачивается система действующих и взаимодействующих личностей, состоящих, в свою очередь, из действующих частей. В концепции Штерна мир является бесконечно разнообразным, едино-многим идеал-реальным живым действующим, творческим существом. Каждая составляющая его личность развивается (или потенциально способна к саморазвитию) и одновременно служит другим существам и целому как таковому. Поэтому Штерн определяет свое учение как «функционально-космический оптимизм».

Система Штерна близка появившимся в тогдашней науке попыткам переосмыслить понятие причинности с точки зрения духовных ценностей. Еще более идеи Штерна оказались созвучны концепциям индивидуальной причинности в русском неoleyбницеанстве (Л.М. Лопатин, Н.О. Лосский).

Владимир Кейдан
Италия, Рим

«Скверный анекдот», или Брак во имя революции:
сюжет из неопубликованной
семейной переписки Достоевских
в контексте культуры Серебряного века
(интертекстуальный анализ)

The paper compares two texts in which the same person appears – M.N. Semenov (1873–1952), journalist and publisher of the first Russian Marxist magazine “Novoe Slovo”, just closed by the tsarist authorities. In the first part of the article a collection of personal letters of Lyubov Fyodorovna Dostoevsky (1869–1926), younger daughter of Dostoevsky, to her cousin Andrey Andreevich Dostoevsky during the period 1897–1899 is published for the first time. The letters describe the daily life of a lonely, bored lady who considers herself to be a layer of liberal intelligentsia at the turn of the XIX–XX centuries.

In the second part – Semenov describes a funny autobiographical episode – an unsuccessful attempt of a friend to marry him to a rich woman, in order to transfer then half of her finances to revolutionary agitation. In Semenov’s writings the names of the alleged bride and her friend are hidden. L. Dostoevskaya depicts passion for the card game in the screw, together with his cousin, they collect a party of players, which persistently invited M. Semenov. Their secret goal is to marry Semenov to the wealthy daughter of the General, Maria Nikolaevna Rizenkampf (1868–?). They make a bet on a bottle of champagne with Anna Grigorevna Dostoevskaya saying that this intrigue will be a success. After a year and a half the cousins win the bet. Dostoevskaya’s letters mention the names of liberal writers in her social circle. There is an intertextual connection between the first and second parts. The notes are extensively quoted archival documents agents

of the tsarist secret police, testifying to the secret surveillance of Semenov and his associates, and his censor correspondence.

Keywords: Russia of the late XIX century, liberals, Silver Age; Dostoevsky's family, M.N. Semenov, V.I. Ivanov; ego-document, phenomenology of everydaylife

В докладе сопоставляются два эго-документальных текста, в которых фигурирует одно и то же лицо – М.Н. Семенов (1873–1952), журналист и издатель только что закрытого царскими властями первого русского марксистского журнала «Новое слово», а впоследствии сотрудник символистского издательства «Скорпион» и журнала «Весы». В первой части впервые представляется подборка личных писем Любови Федоровны Достоевской (1869–1926), младшей дочери Ф.М. Достоевского, к своему кузену Андрею Андреевичу Достоевскому периода 1897–1899 гг. В них описывается повседневная жизнь одинокой скучающей дамы, которая относит себя к слою либеральной интеллигенции рубежа XIX–XX вв.

Во второй части – тексте мемуарного характера – Михаил Семенов описывает забавный автобиографический эпизод – неудачную попытку приятельницы женить его на богатой женщине с целью передать затем половину ее финансов на революционную агитацию. Этот отрывок сопровождается высказыванием Вяч. Иванова из личного письма к М. Семенову о значении «писания впрок» мемуаров. В тексте Семенова имена предполагаемой невесты и ее подруги-свахи скрыты.

Суть этого «скверного анекдота» проясняется через семейную переписку Достоевских: Л.Ф. Достоевская избражает увлечение карточной игрой в винт, вместе с кузеном они собирают партию игроков, в которую настойчиво приглашают М.Н. Семенова. Их тайная цель – сосватать и женить Семенова на состоятельной дочери генерала, Марии Николаевне Ризенкампф (1868–?). Заключается пари на бутылку шампанского с Анной Григорьевной Достоевской (вдовой писателя) об успехе этой интриги. Через полтора года кузены выигрывают пари. В письмах

Л.Ф. Достоевской упоминаются имена либеральных литераторов ее круга общения.

Между первой и второй частями усматривается интертекстуальная связь. Обширно цитируются архивные документы агентов царского Охранного отделения, свидетельствующие о тайной слежке за Семеновым и его соратниками, а также его перлюстрированная переписка.

Анна Голубкова
Россия, Москва

Василий Розанов о Дмитрие Мережковском
и не только:
к истории двух разговоров

In 1897 Petr Perzov introduced Vassily Rosanov to Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius. The acquaintance appeared to be very important for both of them but especially for Rosanov who was at the time on the verge of changing his outlook at life. But discussions not only with Merezhkovsky were consequential, two other acquaintances of Rosanov told him important things about Christianity that changed all his religious conception. Ten years later Rosanov described these conversations in the article “Representative of ‘new religious conscience’”, which is written in the unusual for him form of half-fiction.

Keywords: Vassily Rosanov, Dmitry Merezhkovsky, philosophy, decadence, conservatism, new religious conscience, religious thoughts

В начале 1897 г. Петр Перцов познакомил Василия Розанова с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Для писателя консервативного направления, которым на тот момент являлся Розанов, последовавшие затем сближение и многолетний диалог на первый взгляд могут показаться несколько странными. Однако еще в 1889 г. Розанов написал Н.Н. Страхову: «...все мы, религиозные искатели, в сущности, еретики, т. е. ужасающе неортодоксальны»¹. Кроме того, к этому моменту рамки русского консерватизма оказались для Розанова слишком узкими. И потому на самом деле это сближение с кружком Мережковских, как раз и занятых поисками нового религиозного сознания, было вполне закономерным. Именно декаденты со своей

© Голубкова А., 2018

неортодоксальной религиозностью, полемикой с позитивизмом и постоянными стилистическими экспериментами оказались в конечном итоге ему наиболее близкими. Сам Розанов отмечал 1896–1897 гг. как время перелома и перемены взглядов на пол, брак, семью, отношения между Новым и Ветхим Заветами. В том числе с этого момента очень сильно изменилась его литературная критика. Более того, произошедший поворот имел еще и стилистические последствия: именно в этот период статьи Розанова как раз и приобретают те черты обрывочности, алогичности, интуитивного и эмоционального постижения предмета. И все общепринятые представления о Розанове как запутанном, амбивалентном, сложном писателе, который никогда сам не знает, в какую сторону его сегодня выведет текущая линия письма, основываются на трудах именно этого периода.

Этот крайне интересный момент поворота от консерватизма к декадентству достаточно подробно описан Розановым чуть более десяти лет спустя в статье «Представители “нового религиозного сознания”», которая была опубликована в «Русском слове» (1908. 13 сентября) под псевдонимом В. Варварин. Псевдоним тут имеет двойное значение: он нужен не только для того, чтобы скрыть авторство сотрудника «Нового времени», но и для отстранения рассказчика, потому что хотя половина статьи посвящена Дмитрию Мережковскому, во второй половине Розанов описывает самого себя и момент изменения своих взглядов. Впрочем, свою фамилию автор все-таки не назвал, хотя знающие контекст читатели не могли не понять, о ком идет речь. В этой статье дается так же и развернутая характеристика Мережковского, которого Розанов называет представителем течения русского духовного скитальчества. Отсюда и постоянные изменения в Мережковском: «...первоначально “антик” по своим античным увлечениям, позднее – ницшеанец по долголетнему увлечению личностью и идеями Ницше, и позднее, в теперешнем фазисе своих настроений, – искренний, “до обморока” христианин»². Далее Розанов сравнивает Мережковского с Белинским по любви к книге, по увлеченности исключительно печатной человеческой мыслью.

В одной из заметок о Льве Толстом Розанов признается, что когда-то пытался писать художественную прозу. И статья о двух представителях нового религиозного сознания в этом контексте представляет собой очень интересное документально-художественное повествование. Розанов не только рассказывает о себе в третьем лице, давая отстраненную характеристику своим взглядам и пути их развития, но и воспроизводит две очень важные для него беседы, которые повлияли на изменение его мировоззрения. Имена своих собеседников в статье Розанов не указывает, называет только их вероисповедание – «лютеранин» и «православный» (автор комментария В.В. Аверьянов предполагает в них Ф.Э. Шперка и И.Ф. Романова-Рцы). Как раз два разговора с ними и становятся теми ключевыми точками, которые заставляют Розанова отказаться от прежней позиции и сблизиться с Мережковским и Гиппиус.

Примечания

¹ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // *Розанов В.В. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 2001. С. 228.

² *Розанов В.В.* Представители «нового религиозного сознания» // *Розанов В.В. Собр. соч. Около церковных стен / Под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1995. С. 356.

свящ. Давид Рожин
Россия, Калининград,
БФУ им. И. Канта

Единство сил души и идея о Бесконечном в философии Ф.А. Голубинского

Fedor Golubinskiy (1797–1854) was a Russian thinker, who lived in the first half of the 19th century. Today we have two positions in the relation to the philosophy of Golubinskiy. The first one is a strong critique, which attracts into account different sides of the biography of Golubinskiy, for instance his relationship with masons. The second position is positive and justified, where the main principle is to estimate the philosophy of Golubinskiy like a system. I am guided by the latter principle and use the rational reconstruction method in order to proof the relevancy of the ideas of Golubinskiy concerning the interrelation of philosophy and theology. I attend to show that 1) Golubinsky is not against the Revelation; 2) his system is not a sort of a theological philosophy; 3) he does not confuse faith and knowledge, giving the mind his proper freedom in the field of philosophy; 4) he does not turn a philosophical doctrine into a theological one; 5) nevertheless, the value of Revelation for Golubinsky is higher than the philosophical thinking.

Keywords: F. Golubinskiy, Russian philosophy, metaphysics, theology, faith, knowledge, relation of philosophy and theology, unity of consciousness, Infinity, concept of God.

Ф.А. Голубинский был одним из тех русских мыслителей первой половины XIX века, кто, обладая глубоким знанием немецкой философии, трансформировал ее идеи в построении собственного *оригинального* философского учения.

Позиции современных исследователей творчества Голубинского можно условно свести к двум. Первая позиция –

жесткая критика с поиском противоречий как в самом философском учении, так и при сравнении его с православным вероучением. Вторая позиция – положительно-оправдательная, где главный принцип – анализировать наследие философа, включая его архив, систематически. Автор доклада руководствуется принципом, лежащим в основе второй позиции, и обращается к методу рациональной реконструкции с целью актуализации идей Голубинского относительно проблемы взаимоотношения философии и богословия.

На пути к поставленной цели выясняется оригинальность философской системы Голубинского и ее общие черты: 1) Голубинский нигде не идет вразрез с Откровением; 2) его система не есть философствование на богословские темы; 3) он не смешивает веру и знание, давая разуму в области философии должную свободу; 4) не превращает философское учение в теологическое; 5) тем не менее, значение Откровения для Голубинского выше, чем философского мышления. Обоснование этих положений схематично таково.

В основании философии Голубинского лежат два принципа: самодостоверность мышления и идея Бесконечного (Бога). Первый принцип напрямую связан с формальным законом мышления – законом противоречия. Второй принцип – идея Бесконечного, имеющая конститутивный характер.

Вся философия, согласно Голубинскому, делится на теоретическую, эстетическую и практическую сообразно трем силам души – познанию, ощущению (или чувству) и воле. Поэтому философия может и должна указать *разуму путь* к истине, *воле предписать законы, чувству дать истинное направление*. Именно идея о Бесконечном задает направление разуму, воле и чувству. Она содержится в уме человека и придает единство человеческому сознанию, а вера в Бесконечное придает ему силу. Для познания Бесконечного необходимо привлечение всех способностей души человека. Но из познания природы и самопознания невозможно обрести понятие о *Боге*, но только о *Высшем Существо*. Поэтому далее в поисках Бесконечного нужно обратиться к Откровению, дающему позитивный опыт и знание о Боге. Таким образом, философия дополняется богословием, но не подменяется и не парабощается им.

Александра Бердникова
Россия, Москва, ИФ РАН

Полемика В.С. Соловьева
с харьковскими богословами
Т. Стояновым (К.Е. Истоминым) и А.П. Шостыным
по вопросу догматического развития в Церкви

The ideological context of the main Solovyov's in the 1880s. – «The History and the Future of Theocracy» (1887) – is shown on example of the controversy between Vladimir Solovyov and the Kharkov theologians. Both the “common” elements and the “private differences” of this dispute are analyzed. The reception of Solovyov's theocratic ideas and reaction to his ecclesiastical views in both the Catholic and Orthodox circles of Russian and Western society is shown. The evolution of Solovyov's views on the problem of the union of Eastern and Western churches, the renewal of church communication between Orthodoxy and Catholicism, the main result of which was his fundamental but unfinished work “The History and Future of the Theocracy” (Zagreb, 1887) was demonstrated. The conclusion about different interpretations of the ways of achieving the ideal of the “Universal Church” in the thought of Vladimir Solovyov and his opponents is made. It is shown that in fact Solovyov's original draft of the “religion of the Holy Spirit” and the creation of the “Universal Church” on its basis was equally remote both from the pro-Catholic sympathies and from the “conservative Orthodox” ideology of the Holy Synod of that time.

Keywords: Theocracy, Vladimir Solovyov, “Faith and Reason”, Konstantin Istomin, Alexander Shost'yn, Universal Church, Theory of the development of Dogma, Orthodoxy, Catholicism, Ecumenism.

«Теократический» (или «публицистический») период творчества В.С. Соловьева приходился на десятилетие с 1881 по 1891 г. В творческой биографии Соловьева это время также можно охарактеризовать как период наиболее

интенсивной его полемики практически со всеми кругами интеллектуального общества того времени (как консервативными, так и либеральными).

Особое место в ряду идейных оппонентов Соловьева занимают харьковские богословы Т. Стоянов (К.Е. Истомин) и А.П. Шостьин, в полемике с которыми («критические выпады» оппонентов печатались в журнале Харьковской духовной академии «Вера и разум», ответы мыслителя выходили преимущественно в журнале «Православное обозрение») фактически Соловьевым были написаны главы магистрального произведения данного этапа его творчества – «Истории и будущности теократии» (вышедшей отдельным изданием в Загребе в 1897 г.). По своим временным рамкам критика идей Соловьева в журнале «Вера и разум» продолжалась с 1884 по 1891 г. Центральным ее вопросом стала теория догматического развития в церкви (ее автором был богослов Дж. Г. Ньюмен, с которым нередко впоследствии сравнивали В.С. Соловьева; к примеру, можно вспомнить книгу французского священника-иезуита Мишеля Д'Эрбиньи «Un Newman Russe. Vladimir Soloviev (1853–1900)», 1911). Основным посылом Соловьева при этом было стремление «оправдать» и «вернуть» «веру отцов», воскресив при этом нравственные, этические и социальные идеалы раннехристианских общин. Его же оппоненты полагали, что объединение христианских церквей приведет к потере Россией своей национальной идентичности. Интересным фактом является и включение в полемику с Соловьевым на страницах «Веры и разума» французского богослова и священника, редактора журнала «L'Union Chrétienne» о. Владимира Гетте, в 1862 г. перешедшего из католичества в православие.

В заключение можно отметить, что главные обвинения сторон данного спора в отношении друг друга (Соловьева – в «прогрессизме», его оппонентов – в «охранительстве») были, каждое по-своему, не совсем верны. Обе стороны полемики признавали возможность появления в будущем единой «Вселенской Церкви», но для Соловьева это означало в первую очередь возрождение «первоначального», «апостольского» христианства, а для его идейных противников – признание «всемирно-культурного сознания православных начал».

Николай Павлюченков
Россия, Москва, ПСТГУ

Труды П.А. Флоренского
как источник «мистического богословия»
в России в XX веке

The article presents the author's version of the development of "mystical theology" in the Russian Church. It is noted that in Russian literature the term "mystical theology" became popular after the publication of V.N. Lossky's lectures and works. In these lectures and works he insisted that the tradition of the Eastern Church never drew a sharp distinction between mysticism as a personal experience of the knowledge of God and theology as a dogmatic doctrine of the Church. According to Lossky, in the East of the Christian world theology and mysticism have always been closely interrelated. But the recognition of this fact in Russian theology was quite a long process. The final step in this direction was the materials of polemics about the doctrine of Sofia. In this polemics, the main themes were the doctrine of the deification of man, theology of the energies of St. Gregory Palamas and the concept of imiaslavie. P. Florensky first considered these issues in Russian theology. Therefore the author believes that the origins of "mystical theology" in the Russian Church should be sought in the works of P. Florensky. According to the author, the Florensky's works had an impact not only on S.N. Bulgakov, but also on V.N. Lossky. V. Lossky used some initial positions of Florensky and developed them further.

Keywords: V. Lossky, Florensky, Bulgakov, mystical theology, Church, dogma, mystical experience, truth, polemics, sophiology.

В русскоязычной литературе термин «мистическое богословие» стал популярным после публикации известных парижских лекций В.Н. Лосского и его работ, в которых он

настаивал на том, что предание Восточной Церкви никогда не проводило резкого различия между мистикой как личным *опытом* познания Бога и богословием как утвержденным Церковью догматическим учением. Напротив, по мнению Лосского, на Востоке христианского мира богословие и мистика всегда были тесно взаимосвязаны: «вне истины, хранимой Церковью, личный опыт был бы лишен всякой достоверности, всякой объективности... С другой стороны, учение Церкви не имело бы никакого воздействия на душу человека, если бы оно как-то не выражало внутреннего опыта истины, данного в различной мере каждому верующему»¹. С этой точки зрения, вся сложная борьба Церкви за догматы представляется прежде всего стремлением «обеспечить христианам возможность достижения полноты мистического соединения с Богом»².

Нельзя не заметить, что для традиционного богословия, сформировавшегося в России к началу XX века, подобные идеи были нетипичными. Здесь давала о себе знать тенденция, обозначенная в письме одного издателя оптинскому старцу Макарию в 1847 г.: в процессе борьбы с размножением в России «лжемистических книг западных» заклеили как «мечтание и мистицизм» все свидетельства опыта богообщения св. Отцов Православной Церкви³.

Признание этого опыта в русском богословии оказалось достаточно длительным процессом и окончательным шагом в этом направлении явились, как представляется, материалы софиологической полемики в русской эмиграции в 1920–1930-х годах. У самого В. Лосского научные интересы почти совпали с тем кругом проблем, которые в богословии поднял прот. С. Булгаков и которые В. Лосский считал необходимым подвергнуть критическому анализу. Но если выделить центральную тему полемики – софиология как учение об обожении – и сопутствующие ей разработки в области богословия энергий свт. Григория Паламы и имяславия, то станет очевидным первенство в богословской постановке этих проблем П.А. Флоренского. Поэтому именно в его трудах следует искать истоки становления «мистического богословия» в Русской Церкви.

До 1917–1918 гг., при непосредственном общении, Флоренский оказал несомненное и очень сильное влияние на С.Н. Булгакова, но в ряде случаев позиции этих двух мыслителей по вопросам, связанным с «мистическим богословием», существенно различались. И есть основания предполагать, что в своих собственных разработках и полемике с Булгаковым В. Лосский использовал некоторые исходные позиции Флоренского и развивал их далее в нужном для себя направлении⁴.

Примечания

¹ *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 9–10.

² Там же. С. 10.

³ См.: *Андроник (Трубачев), игум.* Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения. Спас-Преображенский Валаамский монастырь, 1993. С. 14.

⁴ О позициях, по которым работы П.А. Флоренского могли оказать прямое влияние на В.Н. Лосского см.: *Pavljuchenkov N.N.* L'influenza delle idee di P.A. Florenskij sulla teologia di V.N. Losskij // *Il Pensiero polifonico di Pavel Florenskij. Una risposta alle sfide del presente.* Atti del convegno per gli 80 anni dalla morte (Cagliari 25–26 ottobre 2017). PFTS University Press, 2018. P. 301–319.

Инна Голубович, Виктор Левченко
Украина, Одесса,
Одесский национальный университет

Парижское богословие, Фотиево братство
и Николай Полторацкий:
смыслы – символы – шифры

One of the bright and dramatic pages in the history of Parisian Orthodox theology is the activity of the Fotii's Brotherhood (1925(1923?) – 1980th). However, it still remains unexplored. This publication, which is based on archival documents from the personal collection of Nikolai Poltoratsky (1909–1990), head of the almost hermetic communion, contributes to the reconstruction of this important for the history of Russian religious and Philosophical Renaissance plot. The focus is on a theoretical analysis of the project to create an Orthodox religious order, connecting loyalty to the Orthodox tradition and an orientation to the ancient Gallican liturgical rite of the Christian church before the time of schism.

Keywords: Parisian Theology, Fotii's Brotherhood, Nikolai Poltoratsky, Orthodox religious order, metaphysics and anthropology of light

«Парижское богословие», «парижская богословская школа» – одна из самых ярких, драматических и разнородно, часто радикально противоположно, оцениваемых страниц истории пореволюционной российской эмиграции. То немногое, в чем сходятся даже самые крайние оппоненты, – признание культуры Серебряного века, ее религиозно-философских исканий, одним из существеннейших истоков этого сложного и противоречивого явления. «Пути парижского богословия», перефразируя название *opus magnum* о. Георгия Флоровского, одного из самых выдающихся про-тагонистов парижского православного зарубежья, не пред-

© Голубович И., Левченко В., 2018

ставляли собой единого магистрального направления. К их описанию куда более подошла бы борхесова метафора «сада расходящихся тропок», если бы не мирные и гармоничные смыслы «сада». В нашем случае это скорее «сад» после катастрофы или полное рисков, опасностей, непредсказуемости бездорожье, где тропинки только-только прокладываются. И если от метафорики перейти к более или менее строгим научным оценкам, то лучше всего, на наш взгляд, обратиться к авторитетному мнению американского исследователя русской религиозной философии Поля Валиера, который поставил вопрос: «парижская школа» богословия: единство или многообразие? Он назвал сам термин ретроспективным, вошедшим в оборот лишь в 1960-е годы.

Один из самых малоизученных «путей парижского богословия» – это история Фотиева Братства (Братства Святого Фотия), созданного в 1925 (1923?) году. Его основателями стали будущий священник Евграф Ковалевский и его друг-оппонент будущий профессор Свято-Сергиевского богословского института Павел Евдокимов. К ним вскоре примкнули В.Н. Лосский, Ф.Т. Пьянов, И.А. Лаговский, Л.А. Успенский, братья Ковалевского – Максим и Петр и др. В разное время в Братство входили (по свидетельству А. Угримова), будущий архиепископ Нью-Йоркский Петр Люилье, Николай Лосский, Николай Озолин, Андрей Блум (Антоний Сурожский) и др. В «Кратком положении о православном Братстве...» говорилось о создании дисциплинированного общества «Православных Христиан, объединенных для защиты Церкви и Торжества Вселенского Православия». По оценке немногочисленных пока исследователей Фотиева Братства (в частности, Э. Бер-Сижель), новое объединение было замкнутой, «на грани эзотеризма», религиозной организацией, построенной по образцам средневековых католических орденов с соответствующими церемониями посвящения. Программа деятельности была исходно крайне амбициозной (раскрыть Западу Православие, возродить западное православие и в перспективе восстановить церковное единство) и крайне противоречивой (выбор покровителя Константинопольского патриарха IX века Фотия, противника введения филиокве в Символ Веры, и од-

новременно, стремление возродить древний галликанский обряд времен неразделенной церкви). В 1934 г. в Братство вступил Н.А. Полторацкий (1909–1990), в 1945 году возглавивший это объединение. В 1947 г. в качестве начальника Братства он в составе делегации Западно-Европейского Экзархата почти полгода пребывает в СССР, а в 1948 – возвращается на Родину. Вместо обещанной Москвы Н. Полторацкий оказывается в Одессе, где остается до конца жизни. Преподавая с перерывами в Одесской духовной семинарии, «парижский возвращенец» стал центром духовного, интеллектуального, богословского притяжения, радикально изменил своим влиянием жизненные траектории многих выдающихся одесситов (о чем свидетельствует, в частности, коллекция устных историй, записанных нами). В нашем распоряжении сегодня находится личный архив Николая Полторацкого, за что выражаем особую благодарность его хранителю А.Н. Катчуку. Эти документы, в большинстве своем еще не опубликованные, позволяют хотя бы частично реконструировать смыслы, символы и шифры «незавершенного духовного и интеллектуального проекта русской эмиграции на Западе», каким явилось Братство Святого Фотия. Среди тех символов-шифров, которые мы намереваемся раскрыть, анонсируем лишь главные: «рассеяние как Промысел Божий» («Ваше слово должен услышать Запад» (А. Мечёв), «свидетельство веры», «миссия или ловушка», а также «метафизика и антропология света» (рискованный опыт интерпретации судьбы Братства и Н. Полторацкого в свете морфологии, метафизики света и принципа светового тропизма В.Н. Ильина – личного друга Полторацкого, преподавателя института св. Дионисия, основанного членами Братства).

Дарья Ченцова
Россия, Москва, ПСТГУ

Знакомство длиннее жизни: письма
Н.С. Арсеньева С.Л. и Т.С. Франк (Барцевой)
(по материалам Бахметевского архива
Колумбийского университета)

The paper reconstructs the relationship between two prominent figures of Russian emigration – Nikolai (Nicholas) Arseniev and Semyon Frank. A long period in the life of Nikolai Arseniev is connected with Semyon Frank. Arseniev and Frank work together at Saratov University, where Arseniev founds the chair of comparative study of religion and participates in meetings of the Saratov Philosophical and Historical Society (founded by Frank). After his emigration, Arseniev continues to maintain academic and personal relations with S. Frank and his family, which we can observe from the letters to Semyon Frank, and after his death, to his wife Tatiana Frank. Several letters from Arseniev to Franks' family (to Semyon Liudvigovich and Tatiana Sergeeva) are preserved in Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (Columbia University).

This part of epistolary dialogue (we still have not discovered the letters from Franks to Arseniev) proves the importance of Semyon Frank and his philosophical ideas for Nikolai Arseniev.

Keywords: Nikolai Arseniev, Semyon Frank, history of philosophy, Russian religious philosophy, Russian emigration

Биография Николая Сергеевича Арсеньева – философа, религиоведа, автора трудов, посвященных проблемам богословия, а также художественных текстов¹, на протяжении долгих лет оказывалась связанной с личностью С.Л. Франка. С Франком Арсеньев параллельно работает в Саратовском

университете (будучи по рекомендации Франка – в то время декана – избран в 1918 г. профессором по кафедре романо-германской филологии историко-филологического факультета, Арсеньев основывает кафедру сравнительного изучения религий, которая будет существовать до 1920 г., участвует в заседаниях Саратовского философско-исторического общества, основанного и возглавляемого Франком²). Находясь в эмиграции, Арсеньев продолжает поддерживать научные и личные отношения с Семеном Людвиговичем и его семейством, что зафиксировано в письмах Франку, а после смерти последнего – его жене Татьяне. О том, что Н.С. Арсеньев «сохранил на всю жизнь память о своей дружбе с С.Л. Франком», свидетельствует также внук Семена Людвиговича, о. Петр Скореп³.

Несколько писем Арсеньева сохранилось в Архиве С.Л. Франка (Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Collections of Correspondence and Manuscript Documents, Semen Liudvigovich Frank Papers.Vol/box 1. (CatalogedCorrespondence))⁴. Всего было обнаружено 6 писем, адресантами являются Семен Людвигович и Татьяна Сергеевна Франк. Темы, с которыми обращается Арсеньев к семейству Франков, в ряде случаев носят рабочий характер, но вместе с тем в письмах прослеживается и личное дружеское отношение к философу и его семье. Так, например, в письмах к Семену Людвиговичу обсуждается текущая работа Арсеньева, готовящиеся и читаемые им лекции; в письмах к Татьяне Сергеевне – подготовка материалов для публикаций и лекций, посвященных Семену Людвиговичу.

Остальная часть переписки (если таковая сохранилась) требует дополнительного разыскания, поскольку места работы и пребывания Н.С. Арсеньева часто менялись (так, ученый в разные периоды жизни работал в Берлине, Кенигсберге, Варшаве, Париже и Нью-Йорке). Отдельный интерес здесь могут представлять письма С.Л. Франка к Арсеньеву. В архивных материалах самого Арсеньева в Бахметевском архиве письменная корреспонденция, относящаяся к переписке с Франками, отсутствует.

Примечания

¹ См.: *Плетнев Р.В.* Н.С. Арсеньев // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. ст. / Под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 176–185.

² *Гапоненков А.А.* С.Л. Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Филология. Журналистика. 2006. № 1–2. С. 4–9.

³ См.: *Арсеньев Н.С.* Раскрывающиеся глубины // Сборник памяти С.Л. Франка / Под ред. О.В. Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 73–75.

⁴ См. роспись содержания на сайте Архива URL: <https://clio.columbia.edu/catalog/4077500?counter=1> (дата обращения 13.05.2018).

Дарья Дорохина
Россия, Москва, РГГУ

Проблемы репрезентации русской религиозной философии

The paper is devoted to the problem of the correlation of such phenomena as post-secularism and Russian religious philosophy. The author considers the possibility of analyzing some basic concepts of Russian religious philosophy in a post-secular context, because this will give a description language that will allow get the most complete and considerate understanding of the meaning of these concepts. In particular, according to the author, the some concepts of the philosophical system of S. Frank describes the complex problem of the fundamental transformation of relations between people and God. There are concepts that can only be expressed in extreme, ultimate meaning. This concepts allows to overlap the edge of rationality, and “dreaming” is the only possible method of a philosophical text in this case.

Keywords: S. Frank, religious philosophy, post-secular, postmodern, I. Kant, Christian ethics, Post-secular theology, crisis of humanism, John D. Caputo, J. Habermas

С. Франк приводит изречение аввы Дорофея, в котором «люди подобно точкам внутри круга, тем ближе друг к другу, чем ближе они к центру». Эта «геометрическая» притча не просто благочестивое назидание. По мнению Франка, она выражает точное онтологическое соотношение: «связь с Богом и связь с человеком... в своей основе суть одно и то же». Связь между отдельными членами целого тождественна связи членов целого с конституирующим его единством.

Преподобный Дорофей жил в конце VI века, именно в этот период, по мнению Ю. Хабермаса, закладывается основа для «симбиоза религии и метафизики». Этот симбиоз

© Дорохина Д., 2018

останется в центре философских размышлений на длительное время, пока И. Кант не разграничит моральную веру и религию откровения. Кантовское разграничение, тем не менее, не сняло, а, возможно, и усугубило напряжение в пограничной области между философией и религией. Именно в этой области будет продуцироваться проблематика, связанная с переходом к постсекулярному типу взаимодействий с Богом и общностью.

Есть два аспекта, которые формально не позволяют нам проводить анализ понятий русской религиозной философии в постсекулярном контексте, поскольку указывают на то, что это разные явления.

Во-первых, устойчивое убеждение, что секуляризация отношений находится в прямой зависимости от модернизации общества и, следовательно, постсекулярные отношения характерны для постмодерного общества. Этот тезис Хабермас развивает в известном «тегеранском докладе».

Во-вторых, исследователи указывают на несоотнесенность таких явлений, как постсекулярность и русская религиозная философия, поскольку РФ апеллирует к «религиозной тотальности», а основным концептом постсекулярности оказывается «дополнительность дискурсов» (см., например: *Гутнер Г.Б.* Секулярность, постсекулярность и русская религиозная философия). Мы попытаемся показать, так ли это, действительно ли это то фундаментальное противоречие, которое указывает на принципиальную несоотнесенность явлений. И не является ли этот тезис, сам по себе, политически детерминантным.

Содержание

<i>Вместо предисловия</i>	5
<i>Программа конференции</i>	6

Тезисы докладов

<i>Роман Мних</i> Русская теория символа XX века: между неокантианством и неогегельянством	15
<i>Олег Марченко</i> «Мы две руки единого креста...»: К теме устойчивости символа в европейской культуре	18
<i>В.П. Троицкий</i> От «разно-текущих потоков» к обобщенной форме времени	20
<i>Анна Резниченко</i> От магии звука к магии слова. Павел Флоренский между символизмом и авангардом	25
<i>Светлана Федотова</i> Загадка символизма Вяч. Иванова в интерпретации Л. Гоготишвили	27
<i>Тинатин до Егито</i> Влияние религиозно-философских воззрений Вячеслава Иванова на творчество Сергея Эйзенштейна	30

<i>Александр Марков</i>	
Русская англология	
как предмет интеллектуальной истории	33
<i>свящ. Алексей Волчков</i>	
Иконы, идолы и священный текст.	
Как философия Ж.-Л. Мариона может помочь	
в интерпретации Библии?	37
<i>прот. Владимир Зелинский</i>	
Богословие общения	40
<i>Светлана Коначёва</i>	
Воображение и метафора в теологическом языке	42
<i>Алексей Лызлов</i>	
Онтотеологическое понимание языка	
в работах И.Г. Гамана	45
<i>Татьяна Резвых</i>	
Функциональный персонализм Вильгельма Штерна	48
<i>Владимир Кейдан</i>	
«Скверный анекдот», или Брак во имя революции:	
сюжет из неопубликованной семейной переписки	
Достоевских в контексте культуры Серебряного века	
(интертекстуальный анализ)	51
<i>Анна Голубкова</i>	
Василий Розанов о Дмитрие Мережковском и не только:	
к истории двух разговоров	54
<i>свящ. Давид Рожин</i>	
Единство сил души и идея о Бесконечном	
в философии Ф.А. Голубинского	57
<i>Александра Бердникова</i>	
Полемика В.С. Соловьева с харьковскими богословами	
Т. Стояновым (К.Е. Истоминым) и А.П. Шостыниным	
по вопросу догматического развития в Церкви	59

<i>Николай Павлюченков</i>	
Труды П.А. Флоренского как источник «мистического богословия» в России в XX веке	61
<i>Инна Голубович, Виктор Левченко</i>	
Парижское богословие, Фотиево братство и Николай Полторацкий: смыслы – символы – шифры	64
<i>Дарья Ченцова</i>	
Знакомство длиннее жизни: письма Н.С. Арсеньева С.Л. и Т.С. Франк (Барцевой) (по материалам Бахметевского архива Колумбийского университета) . . .	67
<i>Дарья Дорохина</i>	
Проблемы репрезентации русской религиозной философии	70

Значение – смысл – символ – III: Теология,
3-76 философия и эстетика на рубеже веков: Материалы
международной научной конференции, 26–28 ноября
2018 г. Рим, Италия / Под ред. А.И. Резниченко. М.:
РГГУ, 2018. 73 с.
ISBN 978-5-7281-1909-8

Одним из ключевых символов всей иудео-христианской европейской культуры является символ Эдема: тоπος Бога и Первочеловека, родина смыслов, онтологический корень всех символов. Европейская культура – это тоска по раю и подлинному бытию человека, его отрицание – или его обретение. Местом проведения третьей по счету конференции «Значение – смысл – символ» выбран Рим – Вечный город, колыбель и оплот христианства, город проповеди ап. Павла и собора св. Петра. Отправные пункты дискуссии остаются прежними: осмысление феноменологических и экзистенциальных принципов современной философии человека, внутреннего опыта человека и символики его внешнего воплощения.

УДК 130.2(061.3)
ББК 87я43 + 71.0я43

Научное издание

ЗНАЧЕНИЕ – СМЫСЛ – СИМВОЛ – III

Теология, философия и эстетика
на рубеже веков

*Материалы
международной научной конференции*

26–28 ноября 2018 г.
Рим, Италия

Корректор *Т.В. Рютина*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 21.11.2018.

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 4,6. Усл. печ. л. 4,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 315

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-42-06